

кровителя наук и искусств, защитника просвещения, «обновителя» русского народа, создателя «новой» России, взамен старой, угасшей во «мраке невежества» — как писал Сумароков в 1755 году.

У этой напряженной идейно-политической борьбы был еще и собственно литературный, стилистический аспект. Церковное проповедничество для воздействия на общественное мнение располагало разрабатывавшейся в течение столетий и восходившей еще к наследию античности системой красноречия, целой наукой, дававшей в руки церковников огромный арсенал стилистических средств и образцов. В распоряжении церковных ораторов было огромное по объему и неоценимое по богатству средств выразительности количество «книг церковных» на церковнославянском языке, также во многом обязанном своим богатством древнегреческому.

Русские просветители 1730-х годов (Кантемир, Тредиаковский) предприняли попытку создать новую, светскую литературу на основе одного русского языка своего времени, попытку смелую и легко объяснимую их желанием раз и навсегда порвать с традициями литературы русского средневековья.

Тредиаковский в первой половине 1740-х годов еще твердо придерживался убеждения, что церковнославянский язык не может быть составным элементом языка новой литературы. Не позднее чем в 1743 году он перевел «Слово о терпении и нетерпеливости» специально для того: «дабы самым делом показать, что истинное витийство может состоять одним нашим употребительным языком, не употребляя мнимо высоко славянского сочинения».³²

Ломоносов подошел к этой основной проблеме русского литературного языка середины XVIII века иначе, чем его предшественники. В решении этой проблемы он проявил и смелость и прозорливость истинно гениального человека.

Ломоносов понял, что нельзя отказываться от наследия русской церковной культуры, нельзя его просто отбросить. Поэтому он в сущности начал свою общественно-литературную деятельность с создания в 1743 году «Краткого руководства к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненного».

В этой «Риторике» Ломоносов изложил свои взгляды на литературу, на ее задачи и на принципы поэтического стиля, в наибольшей степени этим задачам соответствующие. Вся «Риторика» пронизана чисто просветительским пафосом утверждения руководящей роли науки (а не церкви, как следовало бы в духе официальности) в деле общественного прогресса. Как пример «определения риторического» Ломоносов привел фразу: «...наука есть вождь к познанию правды, просвещения, разума, успокоения народов».³³

³² П. П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. II, СПб., 1873, стр. 104, примечания.

³³ Ломоносов, т. 7, стр. 57.